УДК 111

DOI: 10.21779/2500-1930-2018-33-2-60-67

К.К. Абасов

Здравый смысл в познавательной культуре Нового времени

Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; Kazbek1939@mail.ru

Понятие «здравый смысл» многозначно. С одной стороны, он может сыграть стабилизирующую роль, поскольку для любого радикально нового знания существует допустимая «мера безумия», при превышении которой «мысль растекается по дереву». Но, с другой стороны, гипертрофирование традиции в познавательном процессе может породить стагнацию и застой в науке.

Об этом говорит вся история науки. Недостаточность и ограниченность методологии исследований, опирающихся на непосредственное наблюдение и здравый смысл, начинает осознаваться еще в античной науке. Мыслители Возрождения, рассматривая здравый смысл в качестве помощника разума в борьбе с суевериями и предрассудками, тем не менее стали замечать, что он легко может превратиться из предпосылки рационального мышления в сковывающий его предрассудок.

Ясное осознание того, что «цензура» здравого смысла может стать уздой творческого познания, возникло в философии и естествознании Нового времени. В парадигме научной революции Нового времени возникла негативная коннотация по отношению к этому понятию: здравый смысл ценился здесь куда ниже, чем развитые в науке приемы рационального мышления.

Однако здравый смысл периодически обновляется. В зависимости от продвинувшегося уровня развития науки (и даже от типов культуры) он обретает новый, соответствующий своей эпохе смысл. Неудивительно поэтому, что классическая наука, которая в эпоху своего становления была не в ладах со здравым смыслом, как только новаторские идеи Галилея, Ньютона и их последователей прочно укоренились в умах последующих поколений ученых, уже осознавала себя его знаменосцем. Во второй половине XIX века многие основополагающие понятия «нормальной науки» прочно опирались на здравый смысл.

Ключевые слова: *здравый смысл, рациональное мышление, предрассудок, парадокс, классическая наука, парадигма.*

Апелляция к здоровому смыслу высоко ценилась в античной науке. В методологии античной науки не получил распространения такой общенаучный метод, как идеализация – мысленное конструирование понятий об объектах (материальная точка, идеальный газ и т. д.), не соответствующих ни одному реальному объекту, но таких, для которых существуют прообразы. Этот метод не получил распространения именно потому, что названные понятия выходят за рамки непосредственного наблюдения и здравого смысла эпохи. В физике Аристотеля, да и во всей античной науке, два состояния (покоя и прямолинейного равномерного движения) полностью обособлены друг от друга, качественно отличны и неравноправны. Без высокой степени абстракции, уходящей далеко за пределы здравого смысла эпохи, было немыслимо квалифицировать их как равноправные и внутренне взаимосвязанные состояния.

Однако было бы неверно полагать, будто античная наука во всем опирается только на здравый смысл. Сравнивая древних египтян и греков, Уайтхед отмечает, что в культуре Египта было слишком велико почтение к истории и здравому смыслу, а это может подавить дух новаторства. Именно из-за избыточной приверженности к традиции и здравому смыслу египтяне упустили шанс стать основателями современной цивилизации [1]. Греки, напротив, в каких-то вопросах начали отходить от здравого смысла своей эпохи, полагая, что преклонение перед историей и традицией нередко ведет к формированию «неразумного мнения» (δόξα – докса) о «не подлинной истине» (ἀλήθεια – алетея).

Интеллектуалы Возрождения, хотя и признавали значительной роли здравого смысла в борьбе с суевериями и предрассудками Средневековья, но во многом ушли за его пределы в сторону теоретического разума. Подтверждением тому наряду с революционными открытиями в астрономии служит парадоксальная работа Э. Роттердамского «Похвальное слово Глупости» – произведение, где непосредственные жизненные наблюдения как бы пропущены через призму античных реминисценций. «Похвала Глупости» подвергает критике здравый смысл именно с точки зрения его негативных характеристик, когда он (здравый смысл), ограничиваясь уже отжившими устоями и догмами, педантически применяет одно и то же мерило в различных познавательных ситуациях [2, с. 70].

Но ясное осознание и четкое артикулирование того, что «цензура» здравого смысла может стать уздой творческого познания, возникли лишь в философии и естествознании Нового времени. В методологии Нового времени была отвергнута опирающаяся на здравый смысл идея незыблемости научных ценностей. «Классическое мышление» не предполагает никакого канонического круга идей в качестве образца анализа, самостоятельность аргументации ставится выше ученического следования чужим мнениям, авторитет разума – выше авторитета письменного источника. Классическое мышление несовместимо с комментаторством, подчеркнутым ученичеством, программным отказом от новаторства, стремлением к анонимности, столь характерным для средневековой схоластики.

Однако расшатывание устоявшихся идей и институтов встречает сопротивление со стороны тех, чьи творческие биографии связаны с долгом перед старой традицией нормальной науки. В истории науки нередко именно академическая среда преследует носителей подлинной истины, размывающих закорюзлые пласты мирозерцаний. Труд Коперника «De revolutionibus orbium coelestium» (О вращении небесных сфер) долгое время был объектом не академических обсуждений, а лишь насмешек не только со стороны далеких от понимания сути вопроса беллетристов, но и со стороны столпов науки (Тихо Браге и Ф. Бэкона). Да и обвинителями и судьями Галилея были известные в то время ученые: Папа Урбан VIII – известный астроном, писатель и гуманист, покровитель искусств; Роберто Беллармино – ученый, преподаватель астрономии и словесных наук; Горацио Грасси – исследователь природы комет. Методология, опирающаяся на чувственное наблюдение и здравый смысл, привела оппонентов учения Коперника к защите геоцентрической системы мира, согласно которой Земля, будучи центром мира, неподвижна, а все небесные тела вращаются вокруг нее.

Без высочайшей степени абстракции было немыслимо преодоление сопротивления тех столпов академической среды, чьи творческие биографии связаны со старой традицией, опирающейся в основном на непосредственное наблюдение и здравый смысл.

Мир «классического мышления» – это ясный, математически выверенный мир. Естествознание (особенно механика) становится экспериментальной наукой, чувственное наблюдение соединяется с рациональным мышлением, активно развиваются методы абстрагирования, происходит математизация знания. Данные экспериментов описываются здесь не понятиями здравого смысла, а теорией, в которой соотносятся понятия, далекие по содержанию от чувственной непосредственности и обыденного знания. Движение, пространство и время стали интересовать исследователей с количественной стороны, и даже если не отрицалась идея творения природы, то предполагалось, что Творец – математик и сотворил природу по законам математики. Галилей утверждал, что книга природы написана на языке математики, исследование природы возможно только на основе опыта и математики, а не с помощью Библии или чего-то еще. Никакое знание невозможно считать истинным, учил Леонардо да Винчи, если оно не прошло через математическое доказательство. По его мнению, живопись имеет непосредственное отношение к науке, а поэзия нет, поскольку первая пользуется геометрической перспективой, а вторая никак не связана с математикой. Более того, основатели классической науки были убеждены в том, что природа написана на математическом языке, поддающемся расшифровке с помощью надлежаще поставленных экспериментов, а язык природы единственен.

Сама по себе идея математизации знания поначалу кажется неплодотворной: много ли проку в математических формулах? Ведь они просто описывают происходящие явления, не объясняя причин этих явлений. Тем не менее, именно эти формулы оказались наиболее ценным знанием, которое удалось получить о природе. Поразительные достижения современной науки стали возможны вследствие того, что человечество накопило количественное описательное знание и научилось пользоваться им, а отнюдь не благодаря метафизическим и теологическим объяснениям причин наблюдаемых явлений. Именно в соответствии с принципом Галилея Ньютон открыл закон всемирного тяготения – закон количественный, а не качественный. Вопреки широко распространенному мнению о якобы полной понятности силы тяготения, никому еще не удалось объяснить ее физическую сущность. Но возможность получения математических следствий из количественного закона принесла столь богатые плоды, что эту процедуру стали считать неотъемлемой частью физики, что еще раз подчеркивает мощь математики. Поэтому неудивительно, что влияние математики в науке в дальнейшем неуклонно росло, что отражено в афоризме И. Канта: «В каждой науке столько истины, сколько в ней математики». Если Ньютону пришлось создать дифференциальное исчисление для целей физики, то Максвелл уже чисто дедуктивно вывел свои уравнения, показав, что математика может идти впереди эксперимента.

Параллельно с математизацией развивается экспериментальный диалог с природой: исследователь изучает природу в отгороженной от мира научной лаборатории, в искусственно созданных и контролируемых условиях, активно вмешиваясь в естественное протекание природных процессов.

Основатели новоевропейской науки ясно понимали, что диалог между человеком и природой есть важный шаг к рациональному постижению природы. Этой науке удалось доказать бессилие природы перед человеческим разумом. Но претендовали они на гораздо большее. Галилей, Ньютон и их последователи исходили из идеи, что для мышления нет никаких преград в природе, оно может проникнуть на любые уровни бытия и сделать понятным, все существующее. Убеждение во всеисилии и всевластии разума привело к тому, что мыслители стали верить в возможность очистить свой разум от всяких напластований и «замутнений» и выйти на уровень «чистого» разума,

исключающего из описания и объяснения все, что связано с субъектом и используемыми им средствами познания.

Новоевропейский рационализм, утверждающий определяющую роль разума не только в познании, но и в любой деятельности человека, из сознания элиминирует все эмоции, все переживания, в результате сознание теряет свою моральную направленность и становится чисто логико-дискурсивным порядком. Рационализм – устами Спинозы – даже запрещает искателям истины плакать и смеяться, радоваться и огорчаться, сострадать и трепетать, любить и ненавидеть, разрешая им только исследовать и знать.

У ученых Нового времени было совершенно иное отношение к окружающему миру, чем у античного мыслителя, ограничивающегося непосредственным наблюдением и здравым смыслом, или у средневекового схоласта, враждебного ко всякому опытному знанию и творческому мышлению. Доминирующей линией в классической науке в момент ее возникновения было третирование здравого смысла не просто как рассудочно-педантического способа познания, но и как источника ложного знания. В парадигме научной революции здравый смысл ценился невысоко – куда ниже, чем развитые в науке приемы рационального мышления. Возникло понимание того, что здравый смысл консервативен, в нем немало косных предрассудков, обывательских мнений, которые отражают действительность, не охватывая глубины ее закономерных связей. Здравый смысл представляет собой принцип формирования обыденного сознания, которое оперирует по заданной схеме и довольствуется готовыми рецептами. Очевидные принципы здравого смысла ведут к рассудочному познанию. Рассудок всегда ограничен, поскольку конечно и ограничено содержание, порожаемое чувственным познанием. Его основой является опыт повседневной жизни, имеющий разрозненный, несистематический характер, а потому он может стать опорой догматизма, уздой новаторской мысли.

Декарт, с одной стороны, признавал известную роль здравого смысла в борьбе с суевериями и невежеством, с другой стороны, указывал на его стихийное возникновение из ходячих мнений, в силу чего он может стать опорой укоренившихся традиционных убеждений и уздой творческой мысли. Чтобы получить возможность пойти по пути, ведущему к достоверному знанию, он призывал прежде всего сбросить оковы и предубеждения, выбраться из тупика чувственной очевидности. «...Нужно прежде всего освободиться от наших предрассудков и подготовиться к тому, чтобы отринуть все взгляды, принятые нами на веру». Мишенью рационалистической критики Декарта была наивная доверчивость к непосредственным данным чувственного восприятия, не подвергнутых анализу в свете разума.

Д. Дидро, рассматривал здравый смысл как способность отделять рассудок от предрассудка, отвергать наиболее вопиющие нелепости, разрушать религиозные вымыслы. Однако в отличие от Д. Локка, защищавшего философию *bon sens*, исходя из невозможности никакой философии, не опирающейся на идеи чувственного опыта [4, с. 144], Дидро указывал на неспособность одностороннего эмпиризма и здравого смысла к глубинному научному анализу, ибо они трудятся как бы в темном подземелье с завязанными глазами и не способны самостоятельно оценить в полной мере значение экспериментальных фактов. Мысль на пути достоверного знания все время как бы сбивается с дороги, отклоняется в разные стороны и впадает в «парадоксы». В любом неразложимом, казалось бы, далее элементе мышления Дидро находит «парадоксальный остаток» и констатирует, что, чем сильнее философ хочет освободиться от парадоксов, тем больше он в них увязает. Он признает, что от разума зависит работа органов чувств – всех вместе и каждого в отдельности.

Гольбах, продолжая линию сенсуализма материалистов Просвещения, последовательно защищал мысль, что процесс познания имеет своим базисом чувственные восприятия. Верифицирующий опыт выступает у Гольбаха как эффективное средство избежать заблуждения и искоренить из сознания людей фанатизм, призраки, религиозные страхи, издавна утвердившиеся предрассудки. Однако гносеология Гольбаха отнюдь не была односторонне сенсуалистической, она представляла собой движение в сторону выработки новой, свободной от абсолютизации формы рационализма. Познание на основе чувственного опыта и здравого смысла, согласно Гольбаху, ограничивается поверхностным взглядом на суть явлений, фиксирует наиболее простые истины, не проникая в их смысл.

Гегель, невысоко оценивая познавательное значение здравого смысла, считал, что он низводит знание до уровня мнения, поэтому наука и философия радикальным образом порывают с его «плоскими и вульгарными истинами» и строят свой теоретический мир. С большой долей скепсиса к познавательным возможностям здравого смысла относился и Ф. Энгельс, утверждая, что здравый рассудок годится только в четырех стенах домашнего обихода, но как только он отваживается выйти на широкий простор научных исследований, то начинает переживать самые удивительные приключения [5, с. 21].

Как оценить эти высказывания? Насколько основательны утверждения, будто здравый смысл является опорой догматизма и нетерпимости? Может, следует причислить его к числу тех архаических понятий, которые давно пора сдать в музей древности и поместить в «галерею заблуждений человеческого духа» (Гегель) рядом с понятиями флогистона, теплорода, мирового эфира и др.?

Здравый смысл действительно может стать опорой нетерпимости по отношению к творческой мысли и впасть в заблуждения. Хотя здравый смысл способен судить о любой деятельности и ее итогах, в теоретической области он не всегда надежный советчик: от современных теорий резоннее требовать парадоксальности, т. е. разрыва с ортодоксальным, чем соответствия устоявшимся представлениям о мире. Понятие *креативность* обозначает способность человека порождать необычные идеи, отклоняться от стереотипных способов мышления [6, с. 194], то есть оказывать сопротивление здравому смыслу.

Но эти, как правило, своеобразные заблуждения являются ошибками не столько с точки зрения того контекста, в котором сформировался здравый смысл, сколько с точки зрения последующего периода, породившего новые представления о действительности. Чтобы здравый смысл мог изменить свое мнение о разуме и науке, они должны были обнаружить себя как важное измерение повседневной практической жизни. Подобного взаимодействия науки и практической жизни в античности не было. Греко-римская наука, за немногими исключениями (к которым относится, в частности, инженерная деятельность Архимеда), не имела выходов в практику. Отделение теории от практики, начавшись в античности, в Средневековье достигает своей кульминации: практическое умение в эту эпоху выступает как нечто низменное, недостойное внимания мудреца. Возрождение начинает сближать эти разошедшиеся было области человеческой деятельности, но только в Новое время идея, возвеличивающая практические цели науки, оказалась удивительно созвучной духу мышления эпохи. Ф. Бэкон требует от исследователей, чтобы они устремлялись к ней не для развлечения и не ради неких ученых споров, не ради корысти и славы, не ради неких иных низких умыслов, но ради пользы для жизни и практики [7, с. 71].

Не следует забывать, что противоположность здравого смысла и разума в реальном процессе познания относительно. Это проявляется прежде всего в том, что нет разума в чистом виде, он всегда содержит определенную примесь здравого смысла. Здравый смысл в любую эпоху складывается при участии разума, а сам разум в каждый конкретный период является продолжением и развитием здравого смысла. Кроме того, ни то, ни другое не является вневременным, раз и навсегда данным феноменом, оба принадлежат определенной эпохе и в определенной мере разделяют все ее «предрассудки». Иначе говоря, здравый смысл соответственно продвинувшемуся уровню развития науки (и общественного сознания) периодически обновляется. Он постоянно интерпретируется последующими поколениями, которые могут значительно изменить смысл, стиль и даже ценностные ориентиры. Как отмечает М. Билалов, пересмотр устоявшихся стандартов и незыблемых истин, экзистенциализация познаваемых ситуаций, смещение в них реального и ирреального, субъективизация отражаемого до личного видения и индивидуального самовыражения как неотъемлемые элементы методологических новаций науки могут быть доведены до подрыва и релятивизации универсалий, норм, канонов и индивидуализации ценностей познавательной культуры, что существенно влияет на современное осмысление здравого смысла [8, с. 4–6].

Парадоксальные представления, противоречащие здравому смыслу на данном уровне познавательной культуры, со временем вполне укладываются в трансформировавшийся здравый смысл на другом уровне. Неудивительно поэтому, что классическая наука, которая в эпоху своего становления находилась не в ладах со здравым смыслом, как только новаторские идеи Галилея, Ньютона и их последователей прочно укоренились в умах последующих поколений ученых, уже осознала себя его знаменосцем. В XIX веке на науку начали смотреть как на «хорошо натренированный и организованный здравый смысл» (Т. Гексли). Во второй половине XIX в. такое заявление представлялось оправданным, ибо многие основополагающие понятия науки прочно опирались на здравый смысл. Классическая физика представляется близкой к здравому смыслу во многом потому, что она описывает привычную для нас область вещей макроскопических, завершивших процесс становления и определившихся в своих свойствах. При этом в стороне от конечного результата исследования остается субъект познания. А неклассическая физика обращается к процессам становления, с одной стороны – в микромире в облике квантовой механики, с другой – в мегамире в облике релятивистской космологии. Но сфере становления присущи парадоксы, обусловленные ее переходным статусом и принципиальной неустойчивостью явлений. Происходит переход от диадной схемы к триединому представлению (субъект, внешний мир и познающий арсенал субъекта, который формирует внутренний поток внешних воздействий) [9, с. 66]. Примири́ть такую физику со здравым смыслом можно только с более общей точки зрения, которая охватила бы обе сферы – область становления бытия и область уже ставшего бытия.

Ограниченность здравого смысла обнаруживается, когда наука охватывает области, далекие от повседневной практики. Для «классического» мышления характерен не только дуализм эмпирического и теоретического, но и дуализм субъекта и объекта. Подвергая критике дуализм субъекта и объекта как основной принцип рационального мышления Нового времени, постмодернизм выдвинул тезис о «смерти субъекта познания» классической науки. Децентрация субъекта как центра, вокруг которого строилось познание, релятивизирует любое познание. Однако метафора «смерть субъекта познания», как считает Магомедов К.М., «возвещает не об устранении субъекта вообще, а о «смерти субъекта» классической науки. Здесь подразумевается отказ от кантовской

конструкции «чистого разума» и трансцендентального субъекта, внеисторического и внесоциального, существующего без конкретного пространственно-временного хроно-типа» [10, с. 78–79]. Исчезновение субъективной реальности в классическом типе рациональности «выражает сопряженность, взаимообусловленность объективной и субъективной реальности» [11, с. 87]. Субъект же сам по себе неустраним из познавательного процесса. Неклассическая рациональность, в отличие от классической, признает присутствие субъекта на всех этапах процесса познания неизбежным и неустранимым, а потому результаты познания не могут не содержать «примесь субъективности».

Литература

1. Научное знание и здравый смысл. http://knowledge.allbest.ru/philosophy/3c0a65625a3ad68b5c43b88421206c37_0.html
2. Роттердамский Э. Похвала Глупости. – Калининград: Кн. изд-во, 1995.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук // Соч. – 2-е изд. – М.–Л.: Госиздат, 1929. – Т. 1.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2.
5. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 20.
6. Малахова Н.Н. Феномен творчества в инновационном обществе // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Экономика. Философия. – 2014. – Вып. 5. – С. 193–198.
7. Бэкон Ф. Великое восстановление наук // Соч.: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1971.
8. Билалов М.И. Зависимость познавательной культуры от толкования истины // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2011. – № 2. – С. 3–8.
9. Семченко Е.Е. Философия образования: от альтернативных подходов к прагматологии и академизации // KANT. – 2016. – № 4. – С. 63–66.
10. Магомедов К.М. Проблема субъекта в исламской теологии // Исламоведение. – 2015. – Т. 6, № 2. – С. 77–85.
11. Курбанова Р.К. Постнеклассическая рациональность и ее северокавказские слагаемые // KANT. – 2016. – № 4. – С. 86–90.

Поступила в редакцию 12 мая 2018 г.

UDC 111

DOI: 10.21779/2500-1930-2018-33-2-60-67

Common sense in the cognitive culture of the Early Modern Period

K.K. Abasov

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 43a; Kazbek1939@mail.ru

The concept of ‘common sense’ is ambiguous. On the one hand, it can play a stabilizing role, since for any radically new knowledge there is an allowable ‘measure of insanity’, that can turn into mental wandering. On the other hand, the hypertrophy of tradition in the cognitive process can lead to stagnation and stagnation in science.

This is evidenced by the whole history of science. The inadequacy and limitations of research methodology, based on direct observation and common sense, is beginning to be realized even in an-

cient science. Thinkers of the Renaissance, considering common sense as an assistant of the mind in the fight against superstitions and prejudices, nevertheless noticed that it can easily turn from the premise of rational thinking into the prejudice that binds it. In the philosophy and natural science of the Early Modern Period a clear realization that the 'censorship' of common sense can become a relic of creative cognition has appeared. In the paradigm of the scientific revolution of Early Modern Period a negative connotation arose in relation to this concept: common sense was valued here much lower than the methods of rational thinking developed in science.

However, common sense is periodically updated. In accordance with the advanced level of the development of science (and even depending on the types of culture), it acquires a new meaning corresponding to its epoch. It is not surprising, therefore, that classical science, which in its epoch of formation was at odds with common sense, as soon as the innovative ideas of Galileo, Newton and their followers were firmly entrenched in the minds of subsequent generations of scientists, already recognized itself as its standard bearer. In the second half of the XIX century a number of basic concepts of 'normal science' strongly relied on common.

Keywords: common sense, rational thinking, *prejudice*, *paradox*, *classical science*, *paradigm*.

Received 12 May, 2018